

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН, Письма к Аттику, близким, брату Квинту, Марку Бруту, II том. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна, АН СССР, М.—Л., 1950, 502 стр., тираж 5 000 экз., цена 20 р. 75 к.

Второй том писем Цицерона вышел в свет сравнительно скоро после первого (июнь 1949 — март 1950). Надо надеяться, что и последний, III том писем не заставит слишком долго ожидать себя. Только после выхода в свет всего этого поистине огромного труда можно будет еще раз продумать и охватить все содержание этой работы в целом и полностью оценить то значение, которое она приобретает в нашей исторической литературе, а также ее литературные достоинства и недостатки и то ее научное оформление, которое не только облегчает понимание ее, но от качества которого подчас зависит сама возможность этого понимания.

Во втором томе научный аппарат значительно меньше, чем в первом. Этот том заключает в себе перевод текста писем (от № 205 до 474, стр. 7—404), примечания (стр. 407—487) и указатель к письмам как по местам их отправления (стр. 488—495), так и в соотношении с традиционным распределением писем — к Аттику, к близким, к Бруту (стр. 495—501). Правда, во втором томе имеется очень ценное приложение, а именно — 2 карты («Восточные провинции Рима» и «Италия в эпоху республики»). Для чтения писем данного тома, включающего в себя историю гражданской войны, карты крайне необходимы; однако была бы очень полезна и карта северной Греции, где разыгрался последний акт борьбы между Цезарем и Помпеем.

Ввиду того, что в настоящее время последний, III том писем Цицерона еще подготавливается к печати и в него могут быть внесены дополнения, мы считаем необходимым повторить следующие настоятельные пожелания:

1) так как краткие исторические очерки перед каждым разделом писем (распределенных по периодам деятельности Цицерона) включить уже невозможно, то следует в заключении дать подробную синхронистическую таблицу, в которой были бы указаны: а) исторические события; б) события личной жизни Цицерона и в) названия его произведений и нумерация писем соответственно данному изданию;

2) приложить подробный именной указатель, с основными сведениями о каждом приведенном лице;

3) дать краткий очерк государственного устройства Римской республики (порядок прохождения магистратур, проведения выборов и т. п.).

Все эти пожелания отнюдь нельзя считать относящимися к внешнему оформлению книги, они преследуют цель сделать ее более полезной, интересной и доступной читателю-неспециалисту.

* * *

Второй том писем охватывает период от 51 до 46 гг. до н. э., т. е. время, особенно важное для истории Рима. В тот период, к которому относились письма первого тома, эти важнейшие события только называли. Уже в первом разделе второго тома, в письмах 51—50 гг. (времени проконсульства Цицерона в Виликии), не менее интересными, чем письма самого Цицерона, являются живые и остроумные письма его рим-

ского корреспондента, Целия Руфа, который держал Цицерона в курсе римских событий и сплетен. В период же открытой гражданской войны исключительный интерес приобретают письма самого Цицерона. Конечно, интересны не столько личные колебания Цицерона и его сетования на неудачи и удары по самолюбию, сколько те беглые зарисовки, в которых ярко отражены сначала паника в Риме, полная растерянность и безволие сената, затем нарастающее озлобление гибнущей консервативно-республиканской партии и мелкие склоки среди отпрысков аристократических семей, ухватившихся за Помпея, как единственного полководца, но презиравших его, как неравного себе по знатности, и, наконец, то полное разочарование в своих целях, с которым последние обломки республиканской партии склонили головы перед Цезарем. Все стадии этого процесса ярко отразились в рецензируемых письмах.

При первом известии о приближении Цезаря Цицерон возлагает все надежды на Помпея; он называет его: «храбрый, опытный и чрезвычайно сильный авторитетом муж» (стр. 176, ad Att., VII, 8) (*virum fortem et peritum et plurimum auctoritate valentem*), Цезаря он считает своим «политическим противником» (*ἀντιπολιτευόμενον*) и, очевидно, сам примыкает к мнению тех, кто полагает, что «нам более всего следует бояться его консульства» (стр. 178, ad Att., VII, 9). Это—письма от декабря 50 г.

Проходит всего два месяца, и мнение Цицерона о Помпее резко меняется. «Наш Помпей ничего не сделал разумно, ничего храбро¹, ничего, добавлю я, что не было противным моему совету и авторитету» (стр. 221, ad Att., VIII, 3). «Что отвратительнее, что беспорядочнее, чем это удаление из Рима или, лучше, позорнейшее бегство?» (*quid foedius, quid perturbatius hoc ab urbe discessu sive potius turpissima fuga?*). И, наконец, уже сравнительно благополучно выпутавшись из своей авантюры, Цицерон в 46 г. открыто раскаивается в поездке в Диррахий к Помпею и дает жестокую характеристику помпейцев, вполне совпадающую с презрительными отзывами о них самого Цезаря (*de bell. civ.*, кн. III, гл. 82, 83). «Во-первых — ни многочисленных, ни бесспособных сил; во-вторых, помимо полководцев и немногих помимо него.... остальные, во-первых, во время самих военных действий проявили хищность, во-вторых, в высказываниях были так жестоки, что я приходил в ужас от самой победы; но главное—это долги людей, самых высоких по положению. Что еще нужно?» (стр. 387, ad fam., VII, 3). Помпей, по мнению Цицерона, «имея неиспытанное и сборное войско, завязал бой с сильнейшими легионами и, побежденный, постыднейшим образом, потеряв даже лагерь, бежал один» (стр. 388).

Даже по этим отрывочным примерам видно, как много живого, ценного исторического материала могут дать письма Цицерона. Ни в русской, ни в зарубежной литературе этот материал не использован достаточно. Книга Ардашева «Переписка Цицерона, как источник для истории Юлия Цезаря» является только первым шагом в этом направлении, сделанным притом с устаревших позиций. В диссертации С. Л. Утченко имеются лишь некоторые, правда интереснейшие, наброски политических установок и терминологии Цицерона.

Приемы перевода, применяемые В. О. Горенштейном во втором томе, в общем остались теми же, какими были и раньше, что, конечно, совершенно естественно, так как работа его производилась и должна была производиться, так сказать, в одном плане. Наиболее удачен перевод всех тех писем, в которых имеются элементы живой речи, а так как в этом томе очень много писем Цицерона, которые, вследствие остроты событий и его личной заинтересованности, написаны под непосредственным впечатлением, то они читаются с большим удовольствием. Очень хорошо переданы те письма, где Цицерон спорит с Атикком, приводя сперва его мнение, а потом возражая против него: негодуя на бездействие Помпея, он пишет: «Только одно остается нашему другу (Помпею) для полного позора — не притти на помощь к Домицию. «Но никто не сомневается в том, что он придет для поддержки». — Я не думаю. — «Так он покинет такого гражданина..., особенно когда у него самого тридцать когорт?». Если я не ошибаюсь во всем, покинет. Он невероятно испугался, склонен к одному только бегству»

¹ Русский перевод не очень гладок («не сделал ничего храбро» — оборот неуклюжий).

Следующий перевод: «Он (Квинт Цицерон Младший) постоянно говорит, что я нападаю на него п е р е д л и ц о м Цезаря» (стр. 343, ad Att., XI, 8), вызывает неверное представление, что Цицерон в это время находится при Цезаре; между тем это письмо написано из Брундизия, в 48 г., когда Цицерон еще не получил разрешения вернуться в Рим и не виделся с Цезарем. Текст «dictitat se a me a p u d C a e s a r e m oppugnari» не дает оснований для такого перевода.

Странный перевод на стр. 173 — «я не хочу приезжать в альбанскую усадьбу, чтобы мой приезд не с т е с н и л рабов» (ad Att., VII, 7) — «ne molestus sim familiae»; так как дело идет о праздничном дне, то Цицерон, очевидно, не хочет доставлять излишних хлопот с его приемом в праздник, выражение же «стеснить рабов» не соответствует отношениям между господином и рабами. Неудачно обращение к жене и дочери (стр. 190, ad fam., XIV, 18) «мои души» (animae meae), а также возглас «о жалость!» (стр. 178), не соответствующий латинскому «o rem miseram!»

Переводчик верен во втором томе своей тенденции сохранять указательные местоимения «этот, тот» (перевод ille, iste, is) вместо личных; надо сказать, что это еще сильнее затрудняет чтение многих писем, чем в I томе. Происходит это потому, что Цицерон часто нарочно избегает называть по имени и Цезаря и Помпея; совершенно естественно, что адресаты его писем всегда сразу угадывали, о ком идет речь. Для нас же это не всегда понятно. Например, на стр. 177 (ad Att., VII, 9) еще можно понять, что в фразе «либо следует удержать Рим, либо, оставив его, отрезать т о г о от подвоза и остальных сил», речь идет о Цезаре, так как во всем предыдущем рассказе говорилось только о нем; но далее в том же письме (стр. 178) совершенно неожиданно во фразе «Уступить ему (т. е. Цезарю) в том, чего он, как говорит т о т ж е, требует бессовестнейшим образом» под словом «т о т ж е» подразумевается Помпей, имя которого упоминалось много раньше, только один раз, и притом в косвенном падеже («в его консульство Помпею, несомненно, быть в Испании»). Переводчик сам ясно сознает эту трудность и каждый раз делает ссылки на примечания, где указано, кто подразумевается в данном случае; при этом часто в одном и том же письме ему приходится делать это по 2—3 раза (например, см. стр. 462, письмо 380; стр. 455, письмо 363; стр. 435, письмо 283). Если переводчик хотел непременно сохранить латинский стиль с многими указательными местоимениями и не повторять слишком часто собственные имена, то все же было бы проще ставить эти имена в квадратных скобках в тексте, а не заставлять читателя искать соответствующее примечание (что, кстати, при нумерации писем, написанной римскими цифрами, ужеходящими до 483, делается вовсе не так скоро) только для того, чтобы прочесть имя Цезаря или Помпея.

Впрочем, переводчику можно, пожалуй, поставить в вину опять-таки только его приверженность к буквальной передаче слов, а остальное отнести на счет редактора книги.

Имеются, однако, и случаи употребления местоимения, явно затемняющие смысл; например, на стр. 368 (ad Att., XI, 21) «О деньгах и о н а написала так, как я тебе ранее» — неизвестно, о ком идет речь, в тексте ни одного женского имени упомянуто не было, а лишь в примечании к предыдущей фразе указано, что о завещании Атик писал Теренции. Еще непонятнее фраза на стр. 369, где речь идет о клеветнических письмах Квинта Цицерона, которые Цезарь якобы нарочно распространял: «Даже Цезарь, повидимому, посылал э т и м... для того, чтобы мои несчастья стали более известны» (ad Att., XI, 22). В оригинале можно понять, что речь идет о Бальбе и каких-то сторонниках Цезаря (ad istos misisse videtur), в русском же тексте слово «этим» ни к кому отнести нельзя.

Известная небрежность в обращении с русским литературным языком, замечавшаяся раньше, имеется и во втором томе. Например, на стр. 178 «если он снизойдет на это», на стр. 173 — «что касается моих почестей», на стр. 369 — «солдаты отказываются двинуться, если не получат» (чего?), на стр. 371 — «о т д а л е я д р у ж б е со мной».

Отмечая указанные недостатки и недосмотры, нельзя не принять во внимание, что переводчик писем Цицерона, так сказать, паншет по целице, что этот перевод —

